

ИМПЕРАТОРСКИЙ КЛУБ СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК НОЯБРЬ-77

Петр СУХАНОВ

НА ПОВОРОТЕ ВРЕМЕНИ

Когда бы мне, через года и битвы
Переродиться так, чтоб
Метнулись в громопад
Переваривших мир,
Я б отдал все за это счастье,
За право жить и победить.
А годы, как шальные,
Приваивая помнить и любить!

Октябрь... Семнадцатый...
Грохочет От потрясенной шар земной,
Крестьяне и рабочие
Идут на смертный бой,
Геранства, великая
Планета — на щтынах!
Талла разноязыкая
На лазарем — а соплогах,
На зполетам — Босая,
Без — а молниях свинца,
Летит, русоволосяя,

По лестницам дворца...
Остановись, история!
И, рухнув, как стена,
Скажи скорей, которые
Забыты имена!

А небо, в ключах равное,
Все в кумале знамя,
Отныне — люди равные
Для всех времен!
Без удержу, уверено
Лавиной, в первый раз
На pedestalях времени
Верхом — рабочий класс!
На колоколах весится,
Срывается и вновь
От счастья, плача, бесится,
Сбивая ноги в кровь!

Замри на краткое мгновенье,
О, дней необратимый хер!
Чтобы с новыми мечтами
Семнадцатый поколений
почувствовали

Чтобы, вскинув до белого каления,
В победном марше классовых войн
Все Человечество построило,
за Ленинем Под красный революционный флаг!

Вечная слава Живым и павшим!
Чувствую сердцем в бессчетный раз
Самое время Памяти нашей
Всех Поименно созвать сейчас,
Всех — Поименно!
От века до века,
Чтобы гремело на каждый
Товарищи, идите Октябрьская поварка
И грохотала!
Я — большевик!
Я — большевик!
Я — большевик!
... Время
Не скроют события и даты.

Светлая Мир пробуждает зоря,
Вечно останется жить
Солдаты Великого Октября!
Словою вчера:
по дворам и залам,
Залом «Арарат»
промчался мчался.
Годы, как горы!
Необозначенный вновь парвал.

Вечная слава Поименным (Победу)
Вечного солнца —
Ушедшим свет!
Знаю, что есть
Еще рыцари где-то,
Только России другой там!

Нет! Не потому ль
по двадцатому веку —
Слышится мне —
призывает горнист
Все, Все — на Октябрьскую поварку!
И всюду разнесится
Я — коммунист!
Я — коммунист!
I — коммунист!

— Владимир Ильич; за-... — сухо повторила секретаря и строго взглянула сквозь пенсне на Рада. Тот нарвно побарабанил тонкими пальцами по папке санстатом ватмана.

— Видите ли, — тщателью подбирала слова, заговорил он, — мое пребывание в России затнулось, читатели нашей газеты ждут графических работ, рисунков. То есть документальных свидетельства о военной революции, о ее успехах. Я занял бы у господина Ленина совсем немного времени.

— Я вас понимаю, — все так же сухо сказала секретаря и встала, давая понять, что разговор окончен. — Владимир Ильич сегодня занят, и завтра тоже, с утра он

швейцарской... Рада, как-то сказал ему — Не ты первый, старик, не ты и последний, кто заблудился в этом хаосе.

Она увидела в неуютном кафе на углу Тверской и Малой Бронной, где по вечерам соблались журналистская братия со всех континентов и плывающий суррогатный кофе.

— Попробуй добиться аудиенции у Ленина. Вот это часом, светлая голова! Пять минут беседа дадут тебе больше, чем дождные анонсы в газете лемкой о большеванстве.

Ленина Рада видела однажды на заседании Моссовета, слышала его речь. Действительно, впечатляющее голое. Не человек — дружина,

Работа не шипела. Что-то безмолвное горело, тоскливое было в этих сплетенных рельсах, в одиноком торчащем столбах с обвернутыми проводами, в этом серомком ступе, утренняя под санидовым небом.

Один из рабочих, де-монтировавший стражи, подошел, встал за спиной, наблюдал за движением его руки. Рада забыла передернуть плечом — не любил, когда смотрели на его работу все так, как-за сплеча.

— А что, очень даже пошлая, — проговорил рабочий.

Рада обернулся и увидел добродушное лицо молодого парня, светлые улыбочные глаза.

— Верно говорю — пошлая. Только вот этот самодур ты, товарищ, даюкваше поставил, все не другой путь он занял.

— В самом деле, — слушавшему проборотает Рада. Парень еще потоптался сзади и ушел, испустившая молотком по стыкам рельсов. И снова серо и неуютно стало вокруг.

Вдруг внимание художника прилекла плотная группа людей, двигавшаяся вдоль пути в его сторону. Острый глаз его с кинематографической точностью скхватил необычную популярность группы. Высокий железнодорожник в форменном бушлате и лорыневых сапогах шагал широко, твердо. Рядом семенил солдатик в длинной шинели без погон, в серой папке небережно. Он на ходу натыкался свернуть самокрутку, и табачный сыпався мимо газетного обрывка под ноги. Рядом усаивала молоденькая девушка в ватнике и старомодном байковом платочке — поразительно синие глаза, по-детски полуоткрытый рот. Само внимание!

Сзади маячили еще фигуры. А в центре шагал невысокий рыжеватый человек с бородой илищником. Легкое пальто с бархатным воротником распахнулось, но он, кажется, не замечал этого. Коротко азмачивая правой рукой, он что-то гоеорил своим спутникам, живо обращаясь то к одному, то к другому. До Рада доносились:

— Вы представить себе не можете, товарищи, каква великое дело началось.

Рада сразу узнал этого человека. Горючая, чтобы не упустить мгновения, он скхватил кэрэндаш.

Накануне торжественного открытия нового Дворца культуры железнодорожников в здраве коллектива станции Мясная-Сортировочная, где на заре Советской власти родился «Великий почин», пришел необычный гость. Известный американский художник Эд Коллинс дарил железнодорожникам коллекцию своих работ. Среди них особое внимание привлекало большое живописное полотно «Народ и вожди». Вдоль сверкающего серебром рельсового пути, невзрачной манящей с олимпийской дали идет тесная группа рабочих. В центре ее Ленин. Лицо его как живое...

Игорь АНТРОПОВ

ВДОХНОВЕНИЕ РАССКАЗ

должен быть на митинге железнодорожников. Она замолчала, будто сплкнулась о какое-то прелестное, и на бесстрастно лице появилось нечто подобное на участие.

— Кстати, почему именно портрет Ленина! Он очень не любит покрывать, между прочим. А революция — правда всего народ, партия. Вот вам совет. Завтра на станции Москва-Сортировочная состоится коммунистический субботник. Думаю, это то, что вам нужно.

Врунка корешки препустила часовой у Славского ворот, Рада вышла на Красную площадь. С реки дул ледяной ветер, называя белесые космы поземки. Прогромыхал мимо ледовой извозчик: Кованые колеса, выбивали на обледенелой брусчатке белые искры. Плотнее закутавшись в легкое, демисезонное пальто, поглубже утопив подбородок в шерстяной шарф — единственную оставшуюся у него теплую вещь, он зашагал ания, к Манежу.

На душе было скверно, очень скверно. Почти погоде он в этой гедюдной и холодной стране, среди хаоса лозугов и митингов. Скучные средства, собранные на поездку в рабочих организациях. Детройта, подошли в кону. Сделаны десятки, сотни набросков, но Рада чувствовала: все это не то. Он рисовал убогую старуху, наумело закрепляющую на стене здания плакат «Все на борьбу с Данинскими», солдат, столпившихся возле африканской тумбы с омерзительным декретом новой власти, он посещал собрания, толкался на бархатике у Самогетной площади. Но во всех этих отрывочных наблюдениях не было главного, что помогло бы ему понять смысл гигантского катализма, потрясшего всю страну, увидеть хотя бы проблеск будущей жизни закаченных революционным водворотом людей.

Фред Денворд, журналист из заштатной

стругот энергии. Но все попытки попасть к нему не прием ложа на увеличались успехом. Кажется, у Ленина не бывает ни минуты свободной. То расширяются заседания Союзкоркома, то прием тамбовских крестьян, то митинг на заводе Мельхсона...

Рада вздохнул, вспоминая, что в его номере сейчас собачий ходок, а на умине остался кусок конской колбасы, лукавица да крошка отбояного хлеба, и ускорил шаг.

Извозчик, остановившись, возле порывада с изуродованным шлагбаумом и, не оборачиваясь, прозрипал: — Все, господин хороший, приехали. Дальше путь нету. Ступай пешком, тут подоплеки.

Подхватив мольберт, Рада направился по узкому захлмленному проходу в сторону приземистый серый здание со спальными окнами без стекол. Ослушавшие и захлмленность церили посуюду. Гиганты, искорженные рельсы, вызороченные из полотна шляпы, рыжие колесные перы, завалившиеся заборы из черных мазутиных досок... Нигде не было видно и намека на субботник, как его представлял себе Рада: ни людских толп, ни вливых флагов, ни духового оркестра. Десятка два рабочих под меманду: «Раз-два, взяли!» выхватывали на руках из дупо ободранный локомотив со святой грубей. Гдето в глубине другого здания стучали металлом. Две черных фигуры шли вдоль пути, армянскими задерживались у стрелочных переводов.

«Напрасно меня сюда занесли, — раздраженно подумал Рада. — Ну да что делать, на возмозащаться же с пустыми руками. Сделаю хотя бы сарию «Русские на железнодорожных работах».

Он разложил мольберт, пристыился в междупутье на раскладном стульчике. Прежде чем наметить на картон первую линию, долго согривал озябшие пальцы.

ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

Картина художника В. Серова «В Смоленске».

Борис ДОЛГУШИН ДЕДУШКА

И еще
Не молодой,
Похожий чем-то
На родного деда.

Во мне
Такой же
непокой.

Нельзя прожить
И не оставить
следа.

Мне кажется,
Что он
Остановил года.

И у него
Терпенья,
Нежности —
Навсегда,

На всем пути —
Любовь!

И коль
Не научу
всему

Не буду
молодым,
Наверно,
Никогда.

(ТАСС).